

Владимир Васильевич Тулулов родился в 1954 году в Уфе. Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета. Сотрудничал с рядом уфимских и воронежских газет. Доктор филологических наук, профессор. Декан факультета журналистики Воронежского государственного университета. Автор около трехсот научных и научно-методических работ, нескольких книг стихов и публицистики. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Владимир Тулулов

ВСЁ ВПЕРЕДИ, И ДЕНЬ ТАК ДОЛОГ...

* * *

Весенний дождь, весенний шум,
блестит асфальт, смеются люди...
Смеялась молодость — и ум,
и память это не забудет.
Беспечный май, беспечный ты:
все впереди, и день так долог,
и радостно от колготы,
от песенки «Крепись, геолог!»
Но век упруго проскакал,
лишь облако оставив пыли, —
и вот уже ты аксакал,
и многих нет, что рядом были...

ГРАЧИ ПРИЛЕТЯТ

Великий художник Саврасов,
могучий сварливый старик
с утра поправлялся не квасом —
он к водочке русской привык...
Стоит на известной картине
замерзший ничтожнейший бомж —
который в низжайшей низине,
с которого что уж возьмешь...
Но дали б ему вы палитру,
холста, колонковую кисть —
быть может, забыл о поллитре,
глаза б его, может, зажглись...
А вывели б старого в поле
и дали б вдохнуть от души,

забыть о поденной неволе —
увидели б, как хороши
и как экономны движенья
умелых мозолистых рук!
Ведь с ветром пришло б вдохновенье
и все изменилось бы вдруг:
смотри, как художник Саврасов,
презрев полотно белизну,
путем нанесения красок
творит и торопит Весну!

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ!..»

Военный госпиталь под Рузой:
фойе, паркет, аккордеон,
шары гоняют парни в лузы,
поют девицы в унисон...
И эту песню — хором, дружно
(в секунды спелся коллектив) —
вели душевно, ненатурально:
слова знакомы и мотив...
Никто из тех, кто пел у стенки,
не знал, что в этот самый миг
в столице умирал Ваншенкин —
той песни автор, фронтовик...

* * *

Я полз по папиной груди,
увенчанной татуировкой,
и он смущенно говорил:
«Все это глупость, глупость, Вовка...»
Веранда, лето, мне шесть лет,
а папе только тридцать девять,
и лучше папы в мире нет,
и трудно было бы поверить,
что очень скоро он уйдет,
и прозвучит, как гром: сиротка...
И лист осенний упадет
у памятника в загородке.

* * *

Наш зимний парк,
наш старый зимний парк...
Веранда вся в снегу...
Пропархивает птица...
Примчались мы сюда,
дыханье — белый пар...
И иней на ветвях,
и иней на ресницах...

Молчание небес,
молчание деревьев,
и только шорох шин
машины запоздалой...
И молча мы стоим,
дыханьем обогрев
друг друга, —
два в одном...
А времени так мало...

* * *

Я родом из детства, я родом из детства —
От этого мне никуда ведь не деться...
А мне и не надо, я там поселен,
В том времени милом, когда был рожден,
В том городе старом, на улице бедной,
Где люди дышали тем духом победным,
Где каждый мужчина носил галифе...
Там папа с роднею сидит подшофе,
Там мама идет в крепдешиновом платье,
Там счастлив я, к ней попадая в объятья...

* * *

По заснеженному полю —
вперед и сзади даль,
ветер вырвался на волю —
путник движется... Ох, жаль,
что не видит серой своры:
хищно клацают клыки,
мелкие забыты ссоры:
«На добычу! Напрямки!»
Звери ринулись, клубится
пылью снежной торный шлях:
«Есть чем нынче поживиться,
будет сшибка в ковылях!»
Шерсть топорщится в загривке
и сверкает желтый глаз:
«Не уйти без Бурки-сивки,
будешь взят на этот раз!»
Вмиг распяли, растерзали —
как в ухмылке волчья пасть,
все, что нужно, облизали,
и в леса — на срок пропасть...

* * *

Мне вчера приснился первый снег,
белый-белый, нежный и летучий —
видимо, приятным был ночлег,
нас согревший, спрятавший от тучи.

Тот, во сне, был мягкий, перстяной,
а наутро: что там у порога?..
Нет, не тот, не изо сна, не мой —
слякотный, испортивший дорогу...

* * *

Подними, обрати очи к небу —
ты давно уже так не смотрел
и давно уже в поле том не был,
а ведь так побывать там хотел,
где все так же ковыль серебрится
и свистят ранним утром сурки...
Оттого ль тебе ночью не спится,
что вернуться туда не с руки?..
Что бежишь в суете и загоне,
затерявшись меж серых домов...
Знай, что ждут земляки на перроне,
и вагон в твое детство готов...

* * *

Этой ночью выпал белый снег,
белый-белый, мягкий и пушистый —
даже птицы легкий робкий след
виден на нетронутом и чистом
новом снеге в новом январе...
Все сначала, все иначе будет:
свежий ветер дует на дворе —
как свидетель и вершитель судеб.

* * *

Мне этот мир так хочется запомнить,
запечатлеть и в красках, и в стихах:
и пятистенок деревянный скромный,
и палисадник дедушкин в цветах,
и конный двор, стоящий на пригорке,
и кручу-берег в ивах у реки,
отца в армейской старой гимнастерке,
и дальнего селенья огоньки...

* * *

Все дело в деталях, в мельчайших деталях,
в подробностях частных, в подробностях будней,
какими мы были, какими мы стали,
что было легко и что стало так трудно...
Вся эта нелепость, ничтожная малость,
все-все, что прошло, что на донце осталось —
так дорого сердцу, так близко, так мило...
Все то, что, как в паводок, в Лету уплыло.

* * *

Он мокрыми пахнет осенними листьями,
он помнится крепкой отцовской рукой,
огнями заводов и детскими мыслями —
мой город, готовый уйти на покой.
Еще запоздалый трамвай затрезвонит
и хмурый кондуктор билет оторвет,
а ветер ночной пассажира погонит,
что в жизни всегда и сейчас отстает...